

Deni Vrai

ТРОЕ В ШТАТСКОМ

Книга первая

Deni Vrai

Трое в штатском. Книга первая

«Издательские решения»

Vrai D.

Трое в штатском. Книга первая / D. Vrai — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905600-9

Три подруги решили заняться бизнесом. Подвернулся удачный вариант управления крематорием. Не все из них радостно восприняли именно это направление коммерческой деятельности, но, как говорится — «дареному коню в зубы не смотрят». Не успели три новоиспеченные бизнесвумен взяться за дело, как им доставили первого «клиента»... Следом явились представители правоохранительных органов... и теперь подругам надо не только разобраться в тонкостях бизнеса, а заодно и во всех особенностях криминального мира.

ISBN 978-5-44-905600-9

© Vrai D.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Трое в штатском Книга первая

Deni Vrai

© Deni Vrai, 2019

ISBN 978-5-4490-5600-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

На пункт дежурному по городу поступил звонок. Сообщалось, что похищен человек. Информация поступила в главное управление Московского уголовного розыска.

Из формальной, непроверенной информации, какой поступает море, превратилась в требующий немедленных действий сигнал, когда прошел еще один звонок. Звонивший сообщил, что видел, как несколько мужчин тащили тело в подвал подмосковного крематория.

Очень скоро мне пришлось стать прямой участницей невероятных событий. А ведь по началу этот день ни чем не отличался от других.

Глава 1

Чудовищно жаркое лето навалилось на шипящий, мурлыкающий миллионами автомобильных двигателей, грохочущий каблуками, ботинками, чмокающий шлепанцами, с тяжелым душком выхлопного марева город. Открытое настежь окно не помогало совершенно. Из него тянуло то бензином, то гарью, а то вдруг обдавало неясно откуда взявшейся сыростью и тиной. Единственное чего не дарил воздух, это прохлады. Ни капли свежего кислорода за весь день, ни единого полноценного вдоха, ни секунды жизни. И пусть после всего этого технического ужаса кто-нибудь скажет мне, что человечество не склонно к суициду. Склонно, еще как склонно, но оно не просто хочет разорвать связь с этим миром, оно старательно мучает себя напоследок, душит, выкручивает суставы, само над собой смеется и плачет одновременно.

И вот сейчас я, достойная представительница катящегося в ад мира, сижу за рабочим столом, тупо пялюсь на круглые, кофейного цвета часы над дверью, тру сухие как наждак ладони и чувствую, как у меня от жары кожа отклеивается от костей. Я больше не человек. Я загипнотизированный робот. Если бы можно было загипнотизировать робота, то из соответствующей лаборатории выползла бы высушенная, прозрачная сомнамбула Василиса Васильевна Ермолаева, совершенно не способная к потовыделению, в силу чего при любой температуре свыше двадцати пяти градусов превращающаяся во всенародно известную и любимую закуску к пиву, типа – вобла.

Секундная стрелка мучила циферблат своей ленью. Походкой, приговоренного к смерти через соковыжималку, она конвульсивно брела по кругу, навевая тоску и уныние. И ведь это она, эта тонкая неповоротливая гадость бросила вызов вечности. Нахалка.

Еще целых десять минут. Настоящая пытка. Если стрелка сейчас остановится, сердце тоже встанет. Одно спасение – не смотреть. Кое-как удалось повернуть пересохшую шею. Взгляд стеклянных глаз упал в угол напротив, обжегся о выгоревшие, полуотслоившиеся обои и сполз на рабочий стол, одиноко покосившийся в углу под много килограммовым сооружением из пыльных папок, старых чертежей, булавок, скрепок и прочей осиротевшей канцелярии.

Совсем недавно отдел понес очередную утрату в лице старенького, желтого человека просидевшего здесь несколько десятилетий. Его выкинули как старую скрепку, на заслуженную позорную пенсию. Он сопротивлялся и даже плакал. Во всяком случае, мне кажется, я его как-то на этом почти поймала. Был бы он помоложе, сил бы хватило сохранить любимую работу, но пенсия как маньяк в подворотне ловит самых слабых и незащищенных. Забавно, я была его начальником (хоть и формально, просто в силу образования), но даже не знаю его полного имени. Только так – Виктор и все. Хороший, добрый, очень мягкий, безотказный человек, всегда готовый прийти на помощь, чем в свое время, я, да и не только я, частенько пользовалась. Он был маленький, цвета желтых, посеребривших от времени обоев за его спиной с круглой, смешной головой из которой торчало три седых волоска. Никогда не раздражал, и вообще был незаметным, но всегда готовым прийти на помощь, когда нужно упорхнуть по своим делам или разобраться в сложной ситуации рабочего порядка, тут Виктор всегда тут как тут и на него можно положиться, он не подведет, тут он вдруг твердый как скала. И вот его нет. И что-то до щемящей боли в груди ушло из кабинета, что-то очень важное, уютное, что-то человеческое что ли. Все-таки брежневские времена дали производству и соответствующим отношениям своеобразную атмосферу семейственности в лицах вот таких Викторов. И это очень чувствуется, когда они вдруг исчезают. Вдруг из легкой беззаботной игры работа превратилась в холодное, бездушное ремесло. И что самое отвратительное, эта высушенная коробка кабинета, вдруг превратившаяся в хрупкий деревянный спичечный коробок, мне нравится. Внезапно стало понятно, что помимо выполнения обязанностей, человек должен еще и получать

за это выполнение деньги. Если с Виктором мы играли в надувание начальства, а начальство в свою очередь надувало нас, то сейчас я прихожу сюда только за деньгами. Мир рухнет и обваливается в Тартар серо-желтыми осколками. Все давно заволкло пылью человеческого равнодушия.

Стрелки на часах выстроились в прямую линию. Теперь все жестко. Шесть часов, конец работы, начальник сказал зайти в конце, значит ровно в шесть. Вчера мы выполнили частный заказ, и я лично очень рассчитываю, что с вознаграждением не будет заминок. Сегодня пятница, у меня на носу выходные, нет никакого желания встретить их с пустым кошельком. Казенного аванса уже нет, зарплата еще не скоро, а работу мою, во всяком случае, на уровне местного начальства приняли, иначе вызвали бы раньше условленного часа. И если я сейчас не получу хоть какой-то авансик за свою «халтуру», начальник получит достойный скандал. Он меня знает, лучше меня не злить, особенно в жару.

Я встала из-за стола, бумаги уже давно приведены в порядок (старые привычки собираться домой еще в рабочее время неискоренимы, как размер официальной зарплаты), взяла сумочку. Первый шаг осторожный, я жду, что сейчас прах моего изможденного тела осыплется к каблукам. Нет, туловище, как ни странно, осталось на месте. Последний раз смотрюсь в зеркало, прикрепленное к боковой стенке песочного цвета шкафа, поправляю волосы, хочется еще что-то осмотреть, проверить, но на большее нет сил, прозрачный труп в отражении не вызывает эйфории.

– А, Василиса Васильевна, – вечно яркая и звонко суетливая женщина все из тех же раритетно нафталиновых времен когда секретари не соблазняли своих начальников, а были им безоговорочно преданы, через таких прорваться в святая святых можно только со стрельбой и на последнем издыхании. Она профессионал, видит во мне потенциально способного на это врага и как правило, при моем появлении либо встает поливать цветы, либо освобождает руки и разворачивает пухлые от вечного сидения колени, готовясь к прыжку. Я на нее не злюсь, у нее все это давно на рефлексах и безотчетно. Я для нее опасна и она готова к бою. Нет, все-таки забавные они – эти строители коммунизма. Причем в нашем НИИ это можно воспринимать буквально. Ведь я работаю в отделе, где проектировали множество заводов своими стальными конвейерами тащивших страну по дороге величайшего в истории строительства. Строительства коммунизма. Социализм построили, решили немного, что-то, где-то переделать, перестроить и в 85-м вся вавилонская башня взяла да обвалилась. И опять все говорят на разных языках, друг друга не понимают. Яркий пример тому вот эта размалеванная в стиле Пикасо Надежда Романовна, при взгляде на которую человек легко может потерять то самое, чему положено бы умереть последним. Я ее понимаю плохо, она меня не понимает совершенно. Я для нее враг, дитя смутного времени, каждым своим появлением напоминающее о явлении миру великого хаоса. Единственно, что Надежда Романовна не может взять в толк, это зачем я все еще прикидываюсь инженером, вместо того, чтобы занять, наконец, положенное мне место где-нибудь на «Тверской».

– Здравствуйте, Надежда Романовна, – я не стала по своему обыкновению изображать рабскую покорность, в которую секретарь никогда не верила, а напрямую устремилась к тяжелой, обтянутой дерматином двери. Разруха заглянула уже и сюда, кое-где выскочили облицовочные гвоздики и дерматин топорщился несимметричными одутловатыми подушками. – Михаил Кузьмич у себя? – Я притормозила на пороге, не без удивления воззрившись на не пожелавшего кинуться наперерез секретаря.

– Да, он вас ждет, – ядовито испустила шипение Надежда Романовна, демонстративно отвернувшись к допотопной печатной машинке, давно лишившейся всех эстетических украшений из пластмассы, зияющей своим черным нутром. В устах секретаря фраза «Начальник ждет», в адрес младшей по рангу рабсилы, явный вызов.

Похоже, начальник уже пару раз интересовался, не пришла ли я. Либо это очень хорошо, либо очень плохо. Я привыкла готовиться к худшему, так что не сбрасывая с лица зверской решительности, выдавила:

– Мне назначено на шесть, – и вошла в кабинет.

Михаил Кузьмич сидел за своим необъятным столом, прорубившим подобно комете несколько витков времени. Бог знает, что появилось раньше кабинет или этот стол. Сам же Михаил Кузьмич, нервно выстукивающий на полировке помесь победного марша с усталым стуком дятла, это всего лишь пыль времен, которую легко сдует очередным витком истории. Едва я осветила простор сухого как фанера кабинета своим появлением, начальник вскинул лысую морщинистую голову, счастье растеклось по его, напоминающему по цвету и блеску, продолжение стола лицу.

– Ну что же вы, Василиса Васильевна, он развел руки в стороны и я увидела в толстых, мягких пальцах ровный прямоугольник конверта. – Что же вы? Я же вас жду.

Все в этом, похожем на плохую декорацию фанерном «ящике» под названием «ГИПРО-МЕТ» делается с помпой. Жило все с помпой и в упадок приходит с помпой. Мне кажется, Михаил Кузьмич никогда не умрет и Виктор тоже, они будут сохнуть и трескаться пока не сгорят от случайно брошенной в их сторону спички или не подвергнутся нашествию термитов. Но термитов у нас вроде нет, а вот пожаров в подобных учреждениях боялись всегда, и всегда пожарник был вторым человеком после директора, а может и первым.

– Мы договорились на шесть, – внесла я немного живой речи в формализм спрессованного вокруг воздуха.

– Ну, что ж вы, что ж вы, – Михаил Кузьмич замахал на ближайший стул у конференц-стола. – Присаживайтесь, присаживайтесь... Василиса.

Перед моим именем он всегда заминался, соображая как его можно уменьшительно обласкать, всегда терялся и выдавливал целиком. Когда-нибудь, при соответствующем настроении я не сдержусь и посоветую величать меня просто Вася. Подруги меня именно так и называют, а в институте так просто звали Вася в квадрате, присовокупив подобным образом и отчетство. Так что для меня это не было бы дикостью, но для сталагмита напротив, привыкшего ко всяким Наташечкам и Машечкам, это конечно тяжеловато.

– Ну, что же, – Михаил Кузьмич стол серьезен – Проект наш я отправил, думаю это то, что надо. И знаете, в ближайшее время, не хочу, конечно, опережать события, но вобщем, если пойдет, у нас будет иногда возможность подхалтурить. Кстати вот ваш процентик, авансик, так сказать, – он подался вперед, натужно крикнул и некоторое время глупо тыкал в мою сторону конвертом, по всей видимости, наивно предполагая, что я подскачу, как дрессированная болонка за лакомой сарделькой. А ведь, я с ним работаю уже больше десяти лет. И вечно эта упрямая наивность. Нет уж, я женщина, дорогой мой сморщенный атавизм, даже если меня за это когда-нибудь изнасилуют.

Стушевавшись, но, не решаясь оторвать свой начальственный зад от кресла, он толкнул конверт в мою сторону по полировке смежных столов. Увы, я далека от их деревянных стереотипов, конверт сразу лишился своего содержимого. Триста долларов переключались в мой кошелек.

– Не густо, – окончательно обнаглело мое величество.

– Хм, ну, – Михаил Кузьмич растерялся. Никогда ему, как и его секретарю не постичь времена, в которые подчиненные не тупо радуются, а считают и еще позволяют себе быть недвольными.

Наконец изваяв на блестящем в лучах солнца лице отеческое сострадание к ребенку инвалиду, он произнес:

– Ну что же поделаешь, это только авансик. Хорошо еще, что я эти то подработочки нахожу. Я же понимаю, в наше время на одну зарплату, так сказать... к тому же у вас же сынишка.

– А основная сумма когда? – продолжала изгаляться я, мстя за то, что ради формальной выплаты, которую можно было сделать в любой момент этого раскаленного дня, придав мне тем самым жизненных сил, крадут драгоценные минуты личного времени.

– Сразу как рассчитается заказчик, – Михаил Кузьмич окончательно превратился в стол, замкнув непробиваемой броней остатки сгнувшего строя. – Думаю на следующей неделе, может чуть дольше. – Теперь уже он с тоской ждет, когда я вспомню о своем личном времени. Я не стала больше его расстраивать, в голове колоколами била тревога. В семь часов мне надо быть в школе у Данилы.

Кабинет я покинула все же не торопясь, гордо вскинув голову полыхая недовольством. Но стоило оказаться в длинном коридоре отдела, не удержалась и еще раз поковырялась в сумке, пересчитала деньги. Триста долларов. Не плохой подарок к выходным. Душа наполнилась поэзией. Или сейчас взлечу подобно лебедю или грохнусь подбитой курицей. Захлестнувшие эмоции забрали последние силы, и перспектива лебедя уже не шла дальше его последней песни. Даже на лестнице духота брала за горло, воздух отсутствовал в этом здании и в этом городе. Мое обескровленное тело поползло по ступеням. В нос ударило плотно спрессованным табачным дымом. И как они умудряются в такую жару еще и курить? У окна стояло трое мужчин. Я уже привыкла, что в сплошь изрезанном на арендуемые помещения институте бродят посторонние, как на улице, и не обращала никакого внимания.

Однако меня быстро догнал один из них, оказавшись Олегом. Молодой, очкастый программист, быстро и легко предавший родной казенный дом и переметнувшийся в частную фирму, угнездившуюся на том же этаже. В программном обеспечении парень понимал очень хорошо, и его ценили в новой семье. Уже через пол года он стал приезжать на работу в личном авто. Из очкастого, прыщавого лаборанта, превратился в местного мачо. О его любовных похождениях уже ходили легенды. Последнее время я стала замечать, что и на моей спине он прикрепил очередную мишень. Я не отталкивала его резко, временами было даже любопытно наблюдать превращение утки в лебедя. Он привел в порядок кожу, запах, прическу и вот, наконец, венцом обращения стали новые очки, кстати, очень и очень удачно выбранные и по форме и по цвету. Если ему во всем этом никто не помогает, то у парня есть вкус.

– Василистик, Василек, что не весел, зачем голову повесил? – затараторил Олег мне в ухо.

– Привет Олежка, – сегодня я благосклонна, он молодец, умеет почувствовать это сразу.

Бабник, одним словом.

– Какие планы на вечер, после совместного ужина?

– Совместного?

– Есть не плохая идея...

– А ты уже освободился? – Я оглянулась, мы приближались к проходной, его товарищей видно не было, значит, молодой Казанова увязался за мной решительно. Что ж, пора использовать запасную карту, пока не сгорела. Сегодня тем более к тому полная необходимость. У сына в школе собрание, будет обсуждаться план путешествия в Европу по культурному обмену, неделя в Париже! Упустить нельзя ни под каким предлогом. Парень так старался, ни одной тройки в году! Мама его точно никогда не была способна на подобные подвиги.

И вот теперь из-за этого сморщенного баклажана – Михаила Кузьмича, я катастрофически опаздываю на собрание, а ведь количество мест ограничено. Ну, старая кочерыжка, если сын не попадет в Париж, сожгу вместе с кабинетом!

– Для тебя, прекрасная Василиса, я всегда свободен, – раскочегаривал талант Олег. – Если серьезно, – его голос стал сахарно мягким, но не глупым, – может сходим куда-нибудь?

Скользнув мимо турникетов, мы вышли на улицу. Я уже было, открыла рот для запланированной атаки, решив попросить подкинуть меня до школы. Конечно, это бы остудило уха-жера, для Казановы нет ничего болезненнее, чем понять, что его просто используют, и в ближайшее время у меня больше не было бы возможности обратиться к этому козырю. Но козыри для того и существуют, чтобы их рано или поздно использовать. Лучше рано, пока пыл не охладил.

Но я так и осталась с открытым ртом. На улице меня поджидали две хищные росوماхи. Проблема решилась сама собой, осталось теперь только спасти сохраненный козырь из двух прожорливых глоток, пока они его между делом не растерзали шутки ради.

Сашка первая оторвалась от своего серебристого БМВ и направилась нам на встречу. Женя, еще покрутила носом, но стоило ей заметить, что я не одна, припустила следом за Сашей, едва не переломав себе каблук вместе с ногами. Девчонки, как всегда сверкали и лучились на всю улицу, словно только что выскочили из салона красоты. Я поежилась. Первая прохлада за день и сразу ледяным ушатом. Чувствовать себя сушеной воблой намного приятнее в одиночестве.

– Васька, тебя сколько ждать! – завопила Женька, да так, что несколько человек обернулись, а один мужчина даже остановился на противоположном тротуаре. Женька, как всегда, рвалась в первый кадр.

– Девчонки, откуда вы здесь? – спросила я, чувствуя легкое облегчение оттого, что привлекая внимание к себе, Женька кажется не станет нападать на моего кавалера, но... это Женька не станет. Сашка подошла не торопясь, в фокусе ее двух бойниц Олег прочно застрял неподвижной, растерянной и легкой мишенью.

– Вася, похоже, обзавелась кавалером, – мягко произнесла она. – По меньшей мере, это не справедливо.

– Это Олег, – криво улыбнулась я деревянными губами. – Саша, Женя...

– Поцелуй тетям ручки, – томно произнесла Женька, легко включаясь в игру и надвигаясь на парня. Ее рука изящно повисла в воздухе. Олег еще не теряя самообладания чмокнул холеные Женькины пальцы с огромными накладными ногтями. Женька отдернула руку, Олег едва не потерял очки от неожиданности. Женька гениальная актриса. Она уставилась на руку, лицо ее не изменило выражения, но было ясно, что ее сейчас стошнит. Саша чуть приподняла одну ниточку брови. Олег машинально дернулся было и к ее руке, но Сашка его остановила:

– Уж нет, – она коснулась его лацкана. – У меня крем и все такое... впрочем. – Она легко и непринужденно посмотрела Олегу прямо в зрачки. – Как у вас со временем, молодой человек? Может с нами в яхт-клуб? Василиса отказывается ехать одна, у нее у одной кавалера нет и ее это смущает. Проведешь уик-энд где-нибудь на девственном пляжике. Как смотришь, Олег? Расходы все пополам, там не дорого, думаю, в десятку уложишься легко. Только надо быстрее думать, ехать нужно прямо сейчас, а то там какой-то отморозок хочет перебить наш заказ. Пока наши кавалеры подскочат, ты бы как раз с отморозком разобрался. Ну, так что?

– Поехали, – Женька протерла платком руку, который еле отыскала в крохотной сумочке и оскалилась всем своим лошадиным счастьем.

– Девки, – не выдержала я. – У меня время! Мне в семь в школе надо быть. Горю, у меня собрание.

– Семь, – Сашка сразу и как-то очень легко забыла про Олега, кинула взгляд на свои золотые часики и ахнула:

– Что ж ты молчишь, балда. Мы же опаздываем!

Людоедки мгновенно забыли о несчастной, растерянной жертве, схватили меня в охапку и потащили к машине, не удосужившись даже попрощаться. «БМВ» плавно сорвался с места. Свежий, прохладный воздух окутал тело, я едва не расплакалась от счастья. Хлопая ртом, как

свежеспасенный утопающий, я крутила глазами соображая, как нам быстрее добраться и что говорить извиняясь за опоздание.

– Ну, о чем я и говорю, – гневно тараторила Сашка, вертя руль. – До чего уже Васька докатилась. С нищими молокососами крутит! Куда это годится.

– М-да, – кивала Женька. – Разложение налицо.

– Девчонки, умоляю, быстрее, – мой организм постепенно возвращался к жизни, тревога в голове грохотала все громче.

– Что за аврал? – Сашка глянула на меня в зеркало.

– Даньку в Париж могут взять по обмену, сейчас собрание по этому поводу.

– По поводу Даньки?

– По поводу поездки, ну и вообще...

В школу я влетела ракетой. Собрание оказалось в актовом зале, на верхнем этаже, когда я оказалась среди других родителей, сердце уже выскакивало из груди. Особенной торжественности не было, завуч, мужчина лет сорока с аккуратной прической, в элегантном костюме, методично зачитывал правила, поздравлял отмеченных, трудом и терпением вырвавших победу учеников и их родителей. Поездка эта полностью внесена в график бухгалтерии, а проще говоря, бесплатна. Речь о взносах шла, но это уже с целью непредвиденных расходов под всевидящее око и руку сопровождающего преподавателя. Сумму вычислили среднюю, способную эти расходы покрыть и не особенно обременительную. Как ни как школа не коммерческая и родители далеко не все платежеспособны. Но даже и эта сумма не навязывалась бескомпромиссно, а скорее, доходчиво и обстоятельно рекомендовалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.